

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

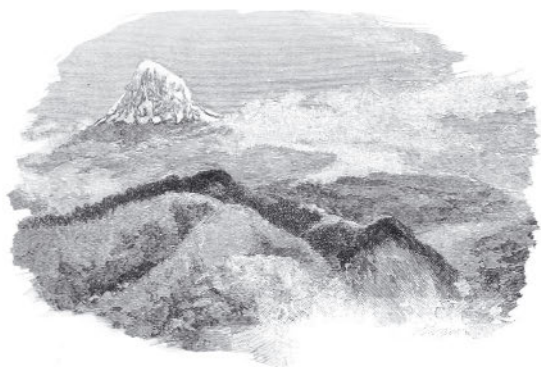
Генри Райдер
Хаггард

КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

АЛЛАН КВОТЕРМЕЙН

ЖЕНА АЛЛАНА

РАССКАЗЫ
ОХОТНИКА
КВОТЕРМЕЙНА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
X 13

Перевод с английского
Надежды Маркович, Кирилла Королева
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

В оформлении книги использованы иллюстрации
Уолтера Пэджета (Walter Paget, роман «Копи царя Соломона»),
Чарльза Керра (Charles Kerr, роман «Аллан Квотермейн»,
повесть «Жена Аллана», повесть «Месть Маивы», рассказы),
Мориса Грайффенхагена (Maurice Greiffenhagen, повесть «Жена Аллана»),
Туре де Тулструпа (шмуцтитуды).

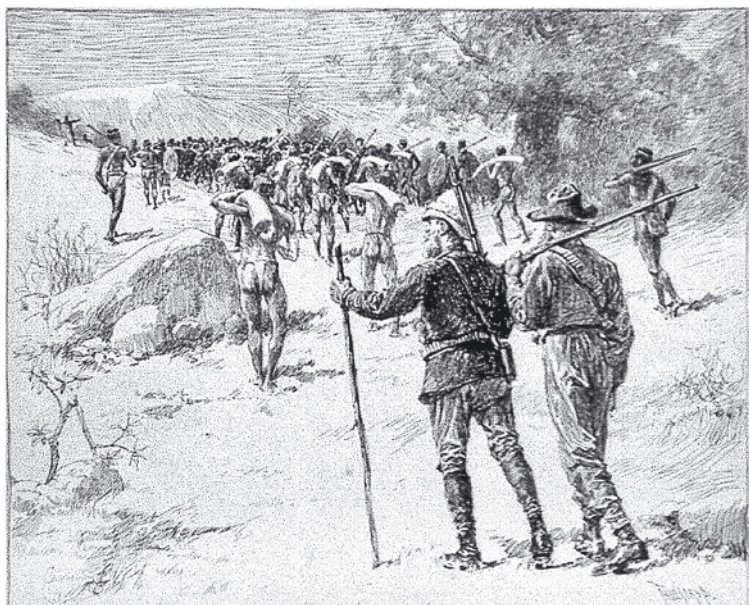
Составитель Александр Лютиков

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-16514-4

© К. М. Королев, перевод, 2017
© Издание на русском языке, состав, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

ОТ АВТОРА

Автор романа пользуется возможностью, чтобы поблагодарить читателей за благожелательный прием, оказанный этому роману, который последовательно выдержал ряд изданий на протяжении последних двенадцати лет. Он надеется, что в своем нынешнем виде этот роман станет достоянием еще более широкой публики и что в последующие годы по-прежнему будет служить к удовольствию тех, кто достаточно молод сердцем для того, чтобы наслаждаться историей о поисках сокровищ, войне и скитаниях в дикой глуши.

Г. Р. Х.

Дитчингем, 11 марта 1898 года

ВТОРОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Ныне, в 1907 году, при подготовке к печати настоящего издания, могу лишь добавить, что чрезвычайно рад, ибо мое произведение продолжает доставлять удовольствие стольким читателям. Полет фантазии подкрепляется фактами: копи царя Соломона, о которых я грезил, были найдены, и там вновь добывают золото; согласно последним сообщениям, добываются также и алмазы. Кукуанов — то есть матабеле — удалось приручить благодаря пулям белого человека, однако, насколько могу судить, это безыскусное сочинение по сей день радует множество читателей. Надежда на то, что эта привязанность сохранится и далее, в третьем и четвертом поколении читателей (а возможно, и в последующих), вдохновляла нашего дорогого усопшего друга Аллана Квотермейна.

*Г. Райдер Хаггард
Дитчингем, 1907 год*

*Эту необычайную, но правдивую историю, рассказанную
Алланом Квотермейном, он с чувством глубокой симпатии
посвящает всем прочитавшим ее мальчикам — большим
и маленьким*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теперь, когда эта книга напечатана и скоро разойдется по свету, я ясно вижу ее недостатки как по стилю, так и по содержанию. Касаясь последнего, я только могу сказать, что она не претендует быть исчерпывающим отчетом обо всем, что мы видели и сделали. Мне очень хотелось бы подробнее остановиться на многом, связанном с нашим путешествием в страну кукуанов, о чем я лишь мельком упоминаю, как, например, рассказать о собранных мною легендах, о кольчугах, которые спасли нас от смерти в великой битве при Луу, а также о Молчаливых, или Колоссах, у входа в сталактитовую пещеру. Если бы я дал волю своим желаниям, я бы рассказал подробнее о различиях, существующих между зулусским и кукуанским диалектами, над которыми можно серьезно призадуматься, и посвятил бы несколько страниц флоре и фауне этой удивительной страны¹. Есть еще одна чрезвычайно интересная тема, которая была мало затронута в книге. Я имею в виду великолепную организацию военных сил этой страны, которая, по моему мнению, значительно превосходит систему, установленную королем Чакой в стране зулусов. Она обеспечивает более быструю мобилизацию войск и не вызывает необходимости применять пагубную систему насильственного безбрачия. И наконец, я лишь вскользь упомянул о бытовых и семейных обычаях кукуанов, многие из которых чрезвычайно любопытны, а также об их искусстве плавки и сварки металлов. Это искусство они довели до совершенства, прекрасным примером которого служат их толлы — тяжелые метательные ножи с рукоятями из кованого металла, к которым с удивительным искусством приварены лезвия из великолепной стали.

¹ Я обнаружил восемь пород антилоп, которых мне никогда не приходилось встречать, и много разновидностей растений, главным образом из семейства луковичных. — А. К.

Посоветовавшись с сэром Генри Куртисом и капитаном Гудом, я решил рассказать простым, безыскусственным языком только наши приключения, а обо всем прочем поговорить как-нибудь в другой раз, если, конечно, это явится желательным. Я с величайшим удовольствием поделюсь сведениями, которыми располагаю, со всеми, кто этим заинтересуется.

Теперь осталось лишь попросить читателя извинить меня за мой неотесанный стиль. В свое оправдание могу лишь сказать, что я больше привык обращаться с ружьем, чем с пером, и потому не могу претендовать на великолепные литературные взлеты и пышность стиля, встречающиеся в романах, которые я иногда люблю почитать. Вероятно, эти взлеты и пышность стиля желательны, но, к сожалению, я совсем не умею ими пользоваться.

На мой взгляд, книги, написанные простым и доходчивым языком, производят самое сильное впечатление и их легче понять. Впрочем, мне не совсем удобно высказывать свое мнение по этому поводу. «Острое копьё, — гласит кукуанская пословица, — не нужно точить». На этом основании я осмеливаюсь надеяться, что правдивый рассказ, каким бы странным он ни был, не нужно приукрашивать высокопарными словами.

Аллан Квотермейн

Глава I

Я ВСТРЕЧАЮСЬ С СЭРОМ ГЕНРИ КУРТИСОМ

Может показаться странным, что, дожив до пятидесяти пяти лет, я впервые берусь за перо. Не знаю, что получится из моего рассказа и хватит ли вообще у меня терпения довести его до конца.

Оглядываясь на прожитую жизнь, я удивляюсь, как много я успел сделать и как много мне пришлось пережить. Наверно, и жизнь мне кажется такой длинной оттого, что слишком рано я был предоставлен самому себе. В том возрасте, когда мальчики еще учатся в школе, я уже вынужден был работать, торгуя всякой мелочью в старой колонии¹. Чем только я не занимался с тех пор! Мне пришлось и торговать, и охотиться, и работать в копиях, и даже воевать. И только восемь месяцев назад я стал богатым человеком. Теперь я обладаю огромным состоянием — я еще сам не знаю, насколько оно велико, — но не думаю, что ради этого я согласился бы вновь пережить последние пятнадцать или шестнадцать месяцев, даже если бы заранее знал, что все закончится благополучно и я так разбогатею. Я скромный человек, не люблю крови и насилия, и, откровенно говоря, мне изрядно надоели приключения. Не знаю, зачем я собираюсь писать эту книгу: это ведь совсем не по моей части. Да и образованным человеком я себя не считаю, хоть и очень люблю читать Ветхий Завет и легенды Инголдсби².

Все же попробую изложить причины, побудившие меня написать эту книгу.

Во-первых, меня просили об этом сэр Генри Куртис и капитан Гуд.

¹ Имеется в виду Капская колония (Кап). — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*

² «*Ingoldsby Legends*» — сборник прозаических и поэтических текстов, составленный Томасом Инголдсби; под этим псевдонимом скрывался священник Ричард Г. Барэм.

Во-вторых, я сейчас нахожусь у себя в Дурбане, и делать мне все равно нечего, так как боль в левой ноге снова приковала меня к постели. Я страдаю от этих болей с тех самых пор, как в меня вцепился этот проклятый лев; сейчас боли усилились, и я хромаю больше, чем обычно. Вероятно, в львиных зубах есть какой-то яд, иначе почему же совсем зажившие раны снова открываются, причем — заметьте! — ежегодно и в то же самое время. На своем веку я застрелил шестьдесят пять львов, оставшись живым и невредимым, и не обидно ли, что какой-то шестьдесят шестой изжевал мою ногу, как кусок табака! Это нарушает естественный ход вещей, а я, помимо всех прочих соображений, люблю порядок, и мне это очень не нравится. Простите мое ворчание, просто пришлось к слову.

Кроме того, я хочу, чтобы мой сын Гарри, который сейчас работает в лондонской больнице, готовится стать врачом, читая этот рассказ, отвлекся хотя бы на некоторое время от своих сумасбродств. Работа в больнице, вероятно, иногда надоедает и начинает казаться довольно скучной — ведь можно пресытиться даже вскрытием трупов. Во всяком случае, рассказ мой Гарри скучным не покажется и хоть на денек-другой внесет немного разнообразия в его жизнь.

Четвертая, и последняя, причина: я собираюсь рассказать самую удивительную историю, которая когда-либо случалась с человеком. Это заявление может показаться странным, особенно если учесть, что в моей истории нет ни одной женщины, за исключением Фулаты. Впрочем, нет! Есть еще Гагула, хотя я не знаю, была она женщина или дьявол. Но нужно сказать, что ей было по крайней мере сто лет, и поэтому как женщина особого интереса она не представляла, так что в счет идти не может. Во всяком случае, могу с уверенностью сказать, что во всей этой истории нет ни одной юбки.

Но не пора ли мне впрягаться в ярмо? Почва тут трудная, и мне кажется, будто я увяз в трясине по самую ось. Однако волы справятся с этим без особого труда. Сильная упряжка всегда в конце концов вытянет, со слабыми же волами, конечно, ничего не поделаешь. Итак, начинаю!

«Я, Аллан Квотермейн из Дурбана, в Натале, джентльмен, приношу присягу и заявляю...» — так начал я свои показания на суде относительно печальной кончины Хивы и Вентфогеля, но, пожа-

луй, для книги это не совсем подходящее начало. И вообще, могу ли я назвать себя джентльменом? Что такое джентльмен? Мне это не совсем ясно. В своей жизни я имел дело не с одним ниггером. Нет, я зачеркну это слово, оно мне совсем не по душе! Я знал туземцев, которые были джентльменами, с чем ты согласишься, Гарри, мой мальчик, прежде чем прочтешь эту книгу до конца. Знавал я также очень скверных и подлых белых, которые, однако, джентльменами не были, хоть денег у них было очень много.

Во всяком случае, я родился джентльменом, хоть и был в течение всей жизни всего-навсего бедным странствующим торговцем и охотником. Остался ли я джентльменом, не знаю — судите об этом сами. Богу известно, что я старался им остаться! На своем веку мне пришлось убить много людей, однако я никогда не запятнал свои руки невинной кровью и убивал, только защищаясь. Всевышний даровал нам жизнь, и я полагаю, что Он имел в виду, что мы будем ее защищать; по крайней мере, я всегда действовал на основании этого убеждения. И я надеюсь, что, когда пробьет мой смертный час, это мне простится. Увы! В мире много жестокости и безнравственности! И вот такому скромному человеку, как я, пришлось принимать участие во многих кровавых делах. Не знаю, правильно ли я сужу об этом, но я никогда не воровал, хоть однажды обманом выманил у одного кафра стадо скота. И несмотря на то что он тоже подложил мне свинью, я до сих пор чувствую угрызения совести.

Итак, с тех пор, как я впервые встретил сэра Генри Куртиса и капитана Гуда, прошло примерно восемнадцать месяцев. Произошло же это следующим образом. Во время охоты на слонов за Бамангвато мне с самого начала не повезло, и в довершение всего я подхватил сильную лихорадку. Немного окрепнув, я добрался до Алмазных россыпей, продал всю слоновую кость вместе с фургоном и волами, рассчитался с охотниками и сел в почтовую карету, направляющуюся в Кап. В Кейптауне я прожил неделю в гостинице, где, кстати сказать, меня здорово обсчитали, и осмотрел все его достопримечательности. Видел я и ботанические сады, которые, по моему мнению, приносят стране огромную пользу, и здание парламента, который, полагаю, никакой пользы не приносит. В Наталь я решил вернуться на пароходе «Дункелд». Он в это время стоял в доке в ожидании «Эдинбург-Касла», который должен был прибыть из Англии. Я оплатил

проезд, сел на пароход, и в тот же день пассажиры, направляющиеся в Наталь, пересели с «Эдинбург-Касла» на «Дункелд». Мы снялись с якоря и вышли в море.

Среди новых пассажиров на борту нашего парохода два человека сразу же привлекли мое внимание. Один из них был джентльмен лет тридцати. Я никогда не встречал человека такого богатырского сложения. У него были соломенного цвета волосы, густая борода, правильные черты лица и большие, глубоко сидящие серые глаза. В своей жизни я не видел более красивого человека, и он чем-то напоминал мне древнего датчанина. Это, конечно, не значит, что я много знаю о древних датчанах; я знал только одного современного датчанина, который, кстати сказать, выставил меня на десять фунтов. Я вспомнил, что однажды где-то видел картину, изображающую несколько таких господ, которые, мне кажется, очень похожи на белых зулусов. У них в руках были длинные рога, из которых они пили, и длинные волосы ниспадали им на спину. Глядя на этого человека, стоявшего у трапа, я подумал, что если бы он немного отпустил волосы, надел стальную кольчугу на свою могучую грудь, взял боевой топор и кубок из рога, то вполне смог бы позировать для этой картины. И между прочим, странная вещь (как сказывается происхождение!); позже я узнал, что в жилах сэра Генри Куртиса — так звали этого высокого джентльмена — текла датская кровь¹. Он очень напоминал мне еще кого-то, но кого — я не мог вспомнить.

Второй человек, который стоял, разговаривая с сэром Генри, был совсем другого типа. Я сейчас же подумал, что он морской офицер. Не знаю почему, но морского офицера сразу видно. Мне приходилось с ними ездить на охоту, и должен сказать, что они всегда оказывались необыкновенно храбрыми и симпатичными людьми, каких редко можно встретить. Одно в них плохо: уж очень они любят ругаться. Несколько раньше я задал вопрос: что такое джентльмен? Теперь я на него отвечаю: это офицер британского Королевского флота, хотя, конечно, и среди них встречаются порою, так сказать, черные овцы. Я думаю, что широкие морские просторы и свежие ветры, несущие дыхание Господа

¹ Представление мистера Квотермейна о древних датчанах кажется несколько туманным. Насколько нам известно, это племя было темноволосым. Возможно, он имел в виду саксов. — *Примеч. англ. изд.*

Бога, омывают их сердца и выдувают скверну из сознания, делая их настоящими людьми.

Но вернемся к рассказу. Я опять оказался прав. Действительно, этот человек был морским офицером. Безупречно прослужив во флоте ее величества семнадцать лет, неожиданно и вопреки его желанию он был зачислен в резерв с чином командера, без каких-либо надежд на дальнейшее производство¹. Вот что ожидает людей, которые служат королеве. В полном расцвете сил и способностей, когда они приобретают большой опыт и знания, их выбрасывают в холодный, неприветливый мир без средств к существованию. Возможно, что они примиряются с этим; что же касается меня, я все же предпочитаю зарабатывать на хлеб охотой. Денег у тебя будет так же мало, но пинков ты получишь меньше!

Его фамилия — я нашел ее в списке пассажиров — была Гуд, капитан Джон Гуд. Это был коренастый человек лет тридцати, среднего роста, темноволосяй, плотный, довольно оригинальный с виду. Он был чрезвычайно опрятно одет, тщательно выбрит и всегда носил в правом глазу монокль. Казалось, что этот монокль врос ему в глаз, так как носил он его без шнура и вынимал, только чтобы протереть. По простоте души я думал, что он и спит с ним, но потом узнал, что ошибался. Когда он ложился спать, то клал монокль в карман брюк вместе с вставными зубами, которых у него было два прекрасных комплекта, что часто заставляло меня нарушать десятую заповедь, так как своими я похвастаться не могу. Но я забегаю вперед.

Вскоре после того, как мы снялись с якоря, наступил вечер, и погода неожиданно испортилась. Пронизывающий ветер подул с суши, спустился густой туман с изморосью, типично шотландский, и все пассажиры вынуждены были покинуть палубу. Наше плоскодонное судно было недостаточно нагружено, и потому его сильно качало — иногда казалось, что мы вот-вот перевернемся. Но, к счастью, этого не случилось. Прогуливаться по палубе было совершенно невозможно, и я стоял около трубы, где было очень тепло, и развлекался тем, что смотрел на маятник. Стрелка

¹ В британском флоте данный чин (неполного капитана) присваивался офицерам, которых отправляли в негласную отставку на половинном жалованье из-за нехватки кораблей для командования. При этом им — в качестве поощрения — позволялось именовать себя капитанами.

его медленно раскачивалась взад и вперед, отмечая угол наклона парохода при каждом крене.

— Ну и маятник! Он же не выверен! — послышался рядом со мной чей-то раздраженный голос.

Оглянувшись, я увидел того морского офицера, на которого уже раньше обратил внимание.

— Разве? Почему вы так думаете?

— Думаю? Тут и думать нечего! Как же, — продолжал он, когда наш пароход снова восстановил равновесие после очередного крена, — если бы судно действительно накренилось до того градуса, который показывает эта штука, — тут он указал на маятник, — мы бы перевернулись. Но чего еще можно ожидать от капитанов торгового флота! Они чертовски небрежны.

Как раз в этот миг прозвучал обеденный гонг, чему я очень обрадовался, потому что если офицер Королевского флота начинает ругать капитанов торгового флота, то слушать его невыносимо. Хуже этого только одно — слушать, как капитан торгового флота выражает свое откровенное мнение об офицерах Королевского флота.

Мы с капитаном Гудом вместе спустились в кают-компанию и там застали сэра Генри Куртиса уже за столом. Капитан Гуд сел с ним рядом, я же занял место напротив. Мы с капитаном разговаривали об охоте. Он задавал мне много вопросов, поскольку интересовался этим ремеслом, и я старался давать наиболее исчерпывающие ответы. Вскоре разговор перешел на слонов.

— Ну, сэр, — сказал кто-то из сидевших недалеко от меня, — вам повезло: если кто-нибудь может толком рассказать вам о слонах, то это только охотник Квотермейн.

Сэр Генри, который все время молча прислушивался к нашему разговору, при последних словах заметно вздрогнул.

— Простите меня, сэр, — тихо сказал он низким и звучным голосом, именно таким, какой должен был исходить из таких могучих легких, слегка подаваясь вперед, — простите меня, сэр, вы не Аллан Квотермейн?

Я ответил утвердительно.

Сэр Генри больше ко мне не обращался, но я слышал, как он тихо произнес про себя: «Какая удача!»

После обеда, когда мы выходили из кают-компании, сэр Генри предложил мне зайти к нему выкурить трубку. Я принял при-

глашение, и мы с капитаном Гудом пошли в его каюту, которая выходила на палубу. Это была прекрасная просторная каюта, когда-то состоявшая из двух. Когда кто-то из наших важных франтов — быть может, сэр Гарнет Вулсли¹ — совершал поездку на «Дункелде» вдоль побережья, перегородку сняли, а на прежнее место так и не поставили. В каюте был диван, перед которым стоял маленький стол. Сэр Генри послал стюарда за бутылкой виски, мы втроем сели и закурили трубки.

— Мистер Квотермейн, — обратился ко мне сэр Генри, когда стюард принес виски и зажег лампу, — в позапрошлом году, примерно в это время, вы, кажется, были в поселке, который называется Бамангвато, к северу от Трансвааля?

— Да, был, — отвечал я, несколько удивленный, что этот незнакомый джентльмен столь хорошо осведомлен о моих странствиях, которые, как я полагал, особого интереса представлять не могли.

— Вы там торговали? — с живостью спросил меня Гуд.

— Да, я взял туда фургон с товаром, остановился у поселка и пробыл там, пока все не распродал.

Сэр Генри сидел против меня в плетеном кресле, облокотившись на стол. Он посмотрел мне прямо в лицо своими пронизательными серыми глазами, и казалось, что его взгляд выражает какое-то странное волнение.

— Вы, случайно, не встречали там человека по фамилии Невилл?

— Ну как же, конечно встречал! Он распряг свою упряжку рядом с моим фургоном и прожил там две недели, чтобы дать возможность отдохнуть волам, перед тем как отправиться вглубь страны. Несколько месяцев назад я получил письмо от какого-то стряпчего, который просил меня сообщить, не знаю ли я, что случилось с Невиллом. Я сразу же написал ему все, что знал.

— Да, — сказал сэр Генри, — он переслал мне ваше письмо. В нем вы сообщили, что джентльмен по фамилии Невилл уехал из Бамангвато в начале мая в фургоне с погонщиком, проводником и охотником-кафром, по имени Джим. Он говорил, что намеревается добраться, если будет возможно, до Иньяти, конечного

¹ *Гарнет Вулсли* — знаменитый британский военачальник, губернатор Наля и Трансвааля.

торгового пункта Матабелеленда. Там он предполагал продать свой фургон и отправиться дальше пешком. Вы также сообщили, что он действительно продал свой фургон, потому что шесть месяцев спустя вы видели его у какого-то португальского торговца. Этот человек рассказал вам, что он купил его в Иньяти у белого, имени которого он не помнит, и нужно полагать, что белый со слугой-туземцем отправился вглубь страны на охоту.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

Наступило молчание.

— Мистер Квотермейн, — неожиданно сказал сэр Генри, — я думаю, что вы ничего не знаете и не догадываетесь о том, каковы были причины, заставившие моего... мистера Невилла предпринять путешествие на север, и о том, куда именно он направлялся?

— Кое-что я об этом слышал, — ответил я и замолчал. Мне не хотелось говорить на эту тему.

Сэр Генри и Гуд переглянулись, и капитан многозначительно кивнул головой.

— Мистер Квотермейн, — сказал сэр Генри, — я хочу рассказать вам одну историю и попросить вашего совета, а возможно, и помощи. Мой поверенный передал мне ваше письмо и сказал, что я могу вполне на вас положиться. По его словам, вас хорошо знают в Натале, где вы пользуетесь всеобщим уважением. Кроме того, он сказал, что вы принадлежите к людям, которые умеют хранить тайны.

Я поклонился и отпил немного виски с водой, чтобы скрыть свое смущение, так как я скромный человек. Сэр Генри продолжал:

— Мистер Квотермейн, я должен сказать вам правду: мистер Невилл — мой брат.

— О! — промолвил я, вздрогнув.

Теперь стало ясно, кого напоминал мне сэр Генри Куртис, когда я его впервые увидел. Мистер Невилл был гораздо меньше ростом, с темной бородой, но глаза у него были такие же пронзительные и такого же самого серого оттенка, как и у сэра Генри. В чертах лица также было некоторое сходство.

— Мистер Невилл — мой младший и единственный брат, — продолжал сэр Генри, — и мы впервые расстались с ним пять лет

назад. До этого времени я не помню, чтобы мы разлучались даже на месяц. Но около пяти лет назад нас постигло несчастье: мы с братом поссорились не на жизнь, а на смерть (это иногда случается даже между очень близкими людьми), и я поступил с ним несправедливо.

Тут капитан Гуд, как бы в подтверждение этих слов, энергично закивал головой. В это время наш пароход сильно накренился, и изображение капитана Гуда, отчаянно кивающего головой, отразилось в зеркале, которое в тот момент оказалось над моей головой.

— Как вам, я полагаю, известно, — продолжал сэр Генри, — если человек умирает, не оставив завещания, и не имеет иной собственности, кроме земельной, называемой в Англии недвижимым имуществом, она переходит к его старшему сыну. Случилось так, что как раз в то время, когда мы поссорились, умер наш отец, не оставив завещания. Он все медлил с составлением этого документа, пока не стало слишком поздно. В результате брат остался без гроша, не имея при этом никакой профессии. Конечно, мой долг заключался в том, чтобы обеспечить его, но в то время наши отношения настолько обострились, что, к моему стыду, — тут он глубоко вздохнул, — я ничего для него не сделал. Не то чтобы я хотел несправедливо поступить с ним, нет, — я ждал, чтобы он сделал первый шаг к примирению, а он на это не пошел. Простите, что я утруждаю ваше внимание всеми этими подробностями, но для вас все должно быть ясно. Правда, Гуд?

— Само собой разумеется, — ответил капитан. — Я уверен, что мистер Квотермейн никого в это дело не посвятит.

— Конечно, — сказал я, — вы можете быть уверены.

Надо сказать, что я очень горжусь тем, что умею хранить тайны.

— Итак, — снова продолжал сэр Генри, — в это время у моего брата было на счету несколько сот фунтов стерлингов. Ничего мне не говоря, он взял эту ничтожную сумму и под вымышленным именем Невилла отправился в Южную Африку с безумной мечтой нажить себе состояние. Это стало известно мне уже позже. Прошло около трех лет. Я не имел никаких сведений о брате, хотя писал ему несколько раз. Конечно, письма до него не доходили. С течением времени я все более и более о нем беспокоился. Я понял, мистер Квотермейн, что такое родная кровь.

— Это верно, — промолвил я и подумал о своем Гарри.

— Я отдал бы половину своего состояния, чтобы только узнать, что мой брат Джордж, единственный мой родич, жив и здоров и я его снова увижу!

— Но на это надежды мало, Куртис, — отрывисто сказал капитан Гуд, взглянув на сэра Генри.

— И вот, мистер Квотермейн, чем дальше, тем больше я тревожился, жив ли мой брат, и если он жив, то как вернуть его домой. Я принял все меры, чтобы его разыскать, в результате чего получил ваше письмо. Полученные известия были утешительны, поскольку они указывали, что до недавнего времени Джордж был жив, но дальнейших сведений о нем до сих пор нет. Короче говоря, я решил приехать сюда и искать его сам, а капитан Гуд любезно согласился меня сопровождать.

— Видите ли, — сказал капитан, — мне все равно делать нечего. Лорды Адмиралтейства выгнали меня из флота умирать с голоду на половинном окладе. А теперь, сэр, вы, может быть, расскажете нам все, что знаете или слышали о джентльмене по фамилии Невилл.

Глава II

ЛЕГЕНДА О КОПЯХ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Я медлил с ответом, набивая табаком свою трубку.

— Так что же вы слышали относительно дальнейшего путешествия моего брата? — спросил в свою очередь сэр Генри.

— Вот что мне известно, — отвечал я, — и до сегодняшнего дня ни одна живая душа от меня об этом не слышала. Я узнал тогда, что он отправляется в копи царя Соломона.

— Копи царя Соломона! — воскликнули вместе оба мои слушателя. — Где же они находятся?

— Не знаю, — сказал я. — Мне только приходилось слышать, что говорят об этом люди. Правда, я как-то видел вершины гор, по другую сторону которых находятся Соломоновы копи, но между мною и этими горами простиралось сто тридцать миль пустыни, и, насколько мне известно, никому из белых людей, за исключением одного, не удалось когда-либо пересечь эту пустыню. Но может быть, мне лучше рассказать вам легенду о копиях Соломо-

на, которую я слышал? А вы дадите мне слово не разглашать без моего разрешения ничего из того, что я вам расскажу. Вы согласны? У меня есть серьезные основания просить вас об этом.

Сэр Генри утвердительно кивнул головой, а капитан Гуд ответил:

— Конечно, конечно!

— Итак, — начал я, — вам, вероятно, известно, что охотники на слонов — грубые, неотесанные люди и их мало что интересует, кроме обычных житейских дел да кафрских обычаев. Правда, время от времени среди них можно встретить человека, который увлекается собиранием преданий среди туземцев, пытаясь восстановить хоть малую часть истории этой таинственной страны. Как раз от такого человека я впервые услышал легенду о Соломоновых копиях. Было это почти тридцать лет назад, во время моей первой охоты на слонов в стране матабеле. Звали этого человека Эвансом. На следующий год бедняга погиб — его убил раненый буйвол. Его похоронили около водопадов Замбези. Однажды ночью, помню, я рассказал Эвансу об удивительных горных разработках, на которые натолкнулся, охотясь на антилопу куду и канну в той местности, которая теперь называется Лиденбургским районом Трансвааля. Я слышал, что недавно золотопромышленники снова нашли этот прииск, но я-то знал о нем много лет назад. Там в сплошной скале проложена широкая проезжая дорога, ведущая к входу в прииск или галерею. Внутри, в этой галерее, лежат груды золотоносного кварца, приготовленного для дробления. Это указывает на то, что рабочим, кем бы они ни были, пришлось поспешно покинуть прииск. На расстоянии шагов двадцати вглубь там есть поперечная галерея, с большим искусством облицованная камнем.

«Ну! — сказал Эванс. — А я расскажу вам нечто еще более удивительное!»

И он начал мне рассказывать о том, как далеко, во внутренних областях страны, он случайно набрел на развалины города. По его мнению, это был Офир, упоминаемый в Библии. Между прочим, другие, более ученые люди подтвердили мнение Эванса спустя много лет после того, как бедняга уже погиб. Помню, я слушал как зачарованный рассказ обо всех этих чудесах, потому что в то время я был молод и этот рассказ о древней цивилизации и о сокровищах, которые выкачивали оттуда старые иудей-

ские и финикийские искатели приключений, когда страна давно уже вновь впала в состояние самого дикого варварства, подействовал на мое воображение. Внезапно Эванс спросил меня: «Слышали вы когда-нибудь, дружище, о Сулеймановых горах, которые находятся к северо-западу от земли машукулумбве?» Я ответил, что ничего не слышал. «Так вот, — сказал он, — именно там находились копи, принадлежавшие царю Соломону, — я говорю о его алмазных копиях!»

«Откуда вы это знаете?» — спросил я.

«Откуда знаю? Как же! Ведь что такое „Сулейман“, как не испорченное слово „Соломон“¹ И, кроме того, одна старая изанузи, охотница на колдунов в земле Маника, мне много об этом рассказывала. Она говорила, что народ, живший за этими горами, представлял собою „ветвь“ племени зулусов и говорил на зулусском наречии, но эти люди были красивее и выше ростом, чем зулусы. Среди них жили великие волшебники, которые научились своему искусству у белых людей тогда, когда „весь мир был еще темен“, и им была известна тайна чудесной копии, где находились „сверкающие камни“».

Ну, в то время эта история показалась мне смешной, хоть она и заинтересовала меня, так как алмазные россыпи тогда еще не были открыты. А бедный Эванс вскоре уехал и погиб, и целых двадцать лет я совершенно не вспоминал его рассказ. Но как раз двадцать лет спустя — а это долгий срок, господа, так как охота на слонов опасное ремесло и редко кому удается прожить столько времени, — так вот, двадцать лет спустя я услышал нечто более определенное о горах Сулеймана и о стране, которая лежит по ту сторону гор. Я находился в поселке, называемом крааль Ситанди, за пределами земли Маника. Скверное это место: есть там нечего, а дичи почти никакой. У меня был приступ лихорадки, и чувствовал я себя очень плохо. Однажды туда прибыл португалец, которого сопровождал только слуга-полукровка. Надо сказать, что я хорошо знаю португальцев с берегов Делагоа, — нет на земле худших дьяволов, жиреющих на крови и страданиях своих рабов. Но этот человек резко отличался от тех, с которыми я привык встречаться. Он больше напоминал мне вежливых донов, о которых мне приходилось читать в книгах. Это был вы-

¹ *Сулейман* — арабская форма имени «Соломон». — *Примеч. англ. изд.*

сокий худой человек с темными глазами и вьющимися седыми усами. Мы немного побеседовали, так как он мог объясняться на ломаном английском языке, а я немного понимал по-португальски. Он сказал мне, что его имя Жозе Сильвештре и что у него есть участок земли около залива Делагоа. Когда на следующий день он отправился в путь со своим слугой-метисом, он попрощался со мной, сняв шляпу изысканным старомодным жестом.

«До свидания, сеньор, — сказал он. — Если нам суждено когда-либо встретиться вновь, я буду уже самым богатым человеком на свете и тогда не забуду о вас!»

Это меня немного развеселило, хоть я и был слишком слаб, чтобы смеяться. Я видел, что он направился на запад, к Великой пустыне, и подумал, не сумасшедший ли он и что он рассчитывает там найти.

Прошла неделя, и я выздоровел. Однажды вечером я сидел перед маленькой палаткой, которую возил с собой, и глодал последнюю ножку жалкой птицы, купленной мною у туземца за кусок ткани, стоивший двадцать таких птиц. Я смотрел на раскаленное красное солнце, которое тонуло в бескрайней пустыне, и вдруг на склоне холма, находившегося напротив меня на расстоянии около трехсот ярдов, заметил какого-то человека. Судя по одежде, это был европеец. Сначала он полз на четвереньках, затем поднялся и, шатаясь, прошел несколько ярдов. Потом он вновь упал и пополз дальше. Видя, что с незнакомцем произошло что-то неладное, я послал ему на помощь одного из моих охотников. Вскоре его привели, и оказалось, что это — как вы думаете, кто?

— Конечно Жозе Сильвештре! — воскликнул капитан Гуд.

— Да, Жозе Сильвештре, вернее, его скелет, обтянутый кожей. Его лицо было ярко-желтого цвета от лихорадки, а большие темные глаза, казалось, торчали из черепа — так он был худ. Его кости резко выступали под желтой кожей, похожей на пергамент, волосы были седые.

«Воды, Христа ради, воды!» — простонал он; губы его растрескались, а язык распух и почернел.

Я дал ему воды, в которую добавил немного молока, и он выпил не менее двух кварт залпом, огромными глотками. Больше я побоялся ему дать. Затем у него начался приступ лихорадки, он упал и начал бредить о горах Сулеймана, об алмазах и пустыне. Я взял его к себе в палатку и старался облегчить его страдания,

насколько это было в моих силах. Многого сделать я, конечно, не мог. Я видел, чем это неизбежно должно закончиться. Около одиннадцати часов он немного успокоился. Я прилег отдохнуть и заснул. На рассвете я проснулся и в полумраке увидел его странную худую фигуру. Он сидел и пристально смотрел в сторону пустыни. Вдруг первый солнечный луч осветил широкую равнину, расстилавшуюся перед нами, и скользнул по отдаленной вершине одной из самых высоких гор Сулеймана, которая находилась от нас на расстоянии более сотни миль.

«Вот она! — воскликнул умирающий по-португальски, протянув по направлению к вершине свою длинную тощую руку. — Но мне уже никогда не дойти до нее, никогда! И никто никогда туда не доберется! — Вдруг он замолчал. Казалось, что он что-то обдумывает. — Друг, — сказал он, оборачиваясь ко мне, — вы здесь? У меня темнеет в глазах».

«Да, — ответил я, — я здесь. А теперь лягте и отдохните».

«Я скоро отдохну, — отозвался он. — У меня будет много времени для отдыха — целая вечность. Я умираю! Вы были добры ко мне. Я дам вам один документ. Быть может, вы доберетесь туда, если выдержите путешествие по пустыне, которое погубило и меня, и моего бедного слугу».

Затем он пошарил за пазухой и вынул предмет, который я принял за бурский кисет для табака, сделанный из шкуры сабельной антилопы. Он был крепко завязан кожаным ремешком, который мы называем «римпи». Умирающий попытался развязать его, но не смог. Он передал его мне. «Развяжите это», — сказал он. Я повиновался и вынул клочок рваного пожелтевшего полотна, на котором что-то было написано буквами цвета ржавчины. Внутри находилась бумага.

Он продолжал говорить очень тихо, так как силы его слабели:

«На бумаге написано то же самое, что и на обрывке материи. Я потратил многие годы, чтобы все это разобрать. Слушайте! Мой предок, политический беглец из Лисабона, был одним из первых португальцев, высадившихся на этих берегах. Он написал эту записку, умирая среди тех гор, на которые ни до этого, ни после не ступала нога белого человека. Его звали Жозе да Сильвештра, и жил он триста лет назад. Раб, который ожидал его по эту сторону гор, нашел его труп и принес записку домой, в Делагоа. С тех пор она хранилась в семье, но никто не пытался ее прочесть, пока

наконец мне не удалось это сделать самому. Это стоило мне жизни, но другому может помочь достигнуть успеха и стать самым богатым человеком в мире — да, самым богатым в мире! Только не отдавайте эту бумагу никому, сеньор, отправляйтесь туда сами!»

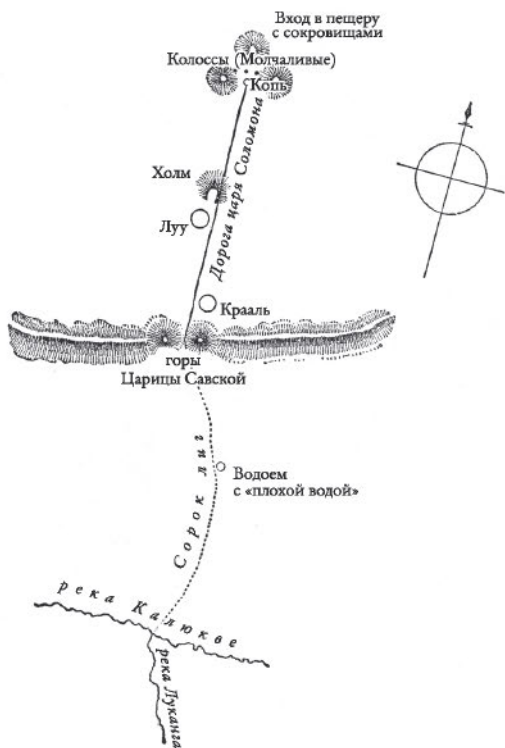
Затем он снова начал бредить, и час спустя все было кончено.

Мир его праху! Он умер спокойно, и я похоронил его глубоко и положил большие валуны на могилу, поэтому не думаю, чтобы шакалам удалось вырыть его труп. А потом я оттуда уехал.

— А что же случилось с документом? — спросил сэр Генри, слушавший меня с большим интересом.

— Да-да, что же было написано в этом документе? — добавил капитан Гуд.

— Хорошо, господа, если хотите, я расскажу вам и это. Я еще никому его не показывал, а пьяный старый португальский торговец, который перевел мне этот документ, забыл его содержание на следующее же утро. Подлинный кусок материи у меня дома, в Дурбане, вместе с переводом бедного дона Жозе, но у меня в записной книжке есть английский перевод и копия карты, если это вообще можно назвать картой. Вот она.

А теперь слушайте: «Я, Жозе да Сильвестра, умирая от голода в маленькой пещере, где нет снега, на северном склоне вершины ближайшей к югу горы, одной из двух, которые я назвал Грудью Царицы Савской, пишу это собственной кровью в год 1590-й, обломком кости на клочке моей одежды. Если мой раб найдет эту записку, когда он придет сюда, и принесет ее в Делагоа, пусть мой друг (имя неразборчиво) даст знать королю о том, что здесь написано, чтобы он мог послать сюда армию. Если та преодолет пустыню и горы и сможет победить отважных кукуанов и их дьявольское колдовство, для чего следует взять с собой много священнослужителей, то он станет богачейшим королем со времен Соломона. Я видел собственными глазами несметное число алмазов в сокровищнице Соломона, за Белой Смертью, но из-за вероломства Гагулы, охотницы за колдунами, я ничего не смог унести и едва спас свою жизнь. Пусть тот, кто пойдет туда, следует по пути, указанному на карте, и восходит по снегам, лежащим на левой Груды Царицы Савской, пока не дойдет до самой ее вершины. На северном ее склоне начинается Великая Дорога, проложенная Соломоном, откуда три дня пути до королевских владений. Пусть он убьет Гагулу. Молитесь о моей душе. Прощайте. Жозе да Сильвестра»¹.

Когда я окончил чтение документа и показал копию карты, начерченной слабеющей рукой старого португальца — его собственной кровью вместо чернил, — наступило глубокое молчание. Мои слушатели были поражены.

¹ «Eu José da Silvestra que estou morrendo de fome ná pequena cova onde não ha neve ao lado norte do bico mais ao sul das duas montanhas que chamei scio de Sheba; escrevo isto no anno 1590; escrevo isto com um pedaço d'osso n' um farrapo de minha roupa e com sangue meu por tinta; se o meu escravo dêr com isto quando venha ao levar para Lourenzo Marquez, que o meu amigo... leve a cousa ao conhecimento d' El Rei, para que possa mandar um exercito que, se desfiler pelo deserto e pelas montonhas e mesmo sobrepujar os bravos Kukuanes e suas artes diabolicas, pelo que se deviam trazer muitos padres Far o Rei mais rico depois de Salomão Com meus proprios olhos vé os di amantes sem conto guardados nas camaras do thesouro de Salomão a traz da morte branca, mas pela traição de Gagoal a feiticeira achadora, nada poderia levar, e apenas a minha vida. Quem vier siga o mappa e trepe pela neve de Sheba peito à esquerda até chegar ao bica, do lado norte do qual està a grande estrada do Solomão por elle feita, donde ha tres dias de jornada até ao Palacio do Rei. Mate Gagoal. Reze por minha alma. Adeos. José da Silvestra». — A. K.

— Да, — сказал наконец капитан Гуд, — я дважды объехал во круг света и был во многих местах, но пусть меня повесят как мятежника, если мне когда-либо приходилось слышать или читать эту историю.

— Да, это странная история, мистер Квотермейн, — прибавил в свою очередь сэр Генри. — Надеюсь, вы не подшучиваете над нами? Я знаю, что это иногда считается позволительным по отношению к новичкам.

— Если вы так думаете, сэр Генри, тогда лучше покончим с этим, — сказал я очень раздраженно, кладя бумагу в карман и поднимаясь, чтобы уйти. — Я не люблю, чтобы меня принимали за одного из этих болванов, которые считают остроумным врать и постоянно хвастаются перед приезжими необычайными охотничьими приключениями, которых на самом деле никогда не было.

Сэр Генри успокаивающим жестом положил свою большую руку мне на плечо.

— Сядьте, мистер Квотермейн, — сказал он, — и извините меня. Я прекрасно понимаю, что вы не хотите нас обманывать, но согласитесь, что ваш рассказ был настолько необычен, что нет ничего удивительного, что я мог усомниться в его правдивости.

— Вы увидите подлинную карту и документ, когда мы прибудем в Дурбан, — сказал я, несколько успокоившись. Действительно, когда я задумался над своим рассказом, я понял, что сэр Генри совершенно прав.

— Но я еще ничего не сказал о вашем брате. Я знал его слугу Джима, который отправился в путешествие вместе с ним. Это был очень умный человек для туземца, родом из Бечуаны, и хороший охотник. Я видел Джима в то утро, когда мистер Невилл готовился к отъезду. Он стоял у моего фургона и резал табак для трубки.

«Джим, — сказал я, — куда это вы отправляетесь? За слонами?»

«Нет, баас, — отвечал он, — мы идем на поиски чего-то более ценного, чем слоновая кость».

«А что же это может быть? — спросил я из любопытства. — Золото?»

«Нет, баас, нечто более ценное, чем золото». — И он усмехнулся.

СОДЕРЖАНИЕ

КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА. <i>Роман</i> <i>Перевод Н. Маркович</i>	5
АЛЛАН КВОТЕРМЕЙН: описание его дальнейших приключений и открытий в компании с баронетом сэром Генри Куртисом, капитаном Джоном Гудом и неким Умслопогасом. <i>Роман.</i> <i>Перевод К. Королева</i>	247
ЖЕНА АЛЛАНА. <i>Повесть</i> <i>Перевод К. Королева</i>	533
РАССКАЗЫ ОХОТНИКА КВОТЕРМЕЙНА <i>Перевод К. Королева</i>	
Рассказ Охотника Квотермейна. <i>Рассказ</i>	671
Рассказ о трех львах. <i>Рассказ</i>	690
Мечь Майвы. <i>Повесть</i>	723
Неравная схватка. <i>Рассказ</i>	813

Хаггард Г. Р.

Х 13 Копи царя Соломона ; Аллан Квотермейн ; Жена Аллана ; Рассказы Охотника Квотермейна / Генри Райдер Хаггард ; пер. с англ. Н. Маркович, К. Королева. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 832 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-16514-4

Бесстрашный охотник Аллан Квотермейн по прозвищу Макумазан, что означает «человек, который встает после полуночи», никогда не любил сырости и чопорности родной Англии, предпочитая жаркий пыльный простор африканского вельда; его влекли неизведанные, полные опасностей земли Черного континента, где живут простодушные и жестокие, как все дети природы, люди, где бродят стада диких буйволов и рычат по ночам свирепые львы. Вот эта жизнь была по нраву Квотермейну — любимому герою замечательного писателя Генри Райдера Хаггарда, который посвятил отважному охотнику множество книг.

Самый известный и читаемый в мире роман Хаггарда — «Копи царя Соломона» — представлен в классическом переводе, но в новой, улучшенной редакции; остальные произведения тома публикуются с сохранением примечаний английских издателей (конец XIX века). Книга иллюстрирована великолепной графикой известных художников — современников автора.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД
КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА
АЛЛАН КВОТЕРМЕЙН
ЖЕНА АЛЛАНА
РАССКАЗЫ ОХОТНИКА КВОТЕРМЕЙНА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Наталья Бобкова, Нина Тюрина,
Анастасия Келле-Пелле, Елена Шнитникова
Обработка иллюстраций Валерия Макарова

Подписано в печать 15.07.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZLN-24962-02-R